

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПРОЦЕССА ПРОИЗВЕДЕНИЯ СМЫСЛОВ МЕТОДОМ «ВЕДОМОГО РИСОВАНИЯ»

Т.М. БУЯКАС, О.А.ТАНЬКОВА

В работе дано феноменологическое описание процесса порождения смыслов, актуальных для настоящего момента жизни и деятельности человека, методом «Ведомого рисования»; описана структура и динамика этого процесса; проведен анализ условий и способов, открывающих возможность актуализации личностных смыслов. Графическая медитация («Ведомое рисование») рассматривается как метод прямой референции к переживанию и его чувствуемому смыслу. Показано, что исследовательское интервью на базе феноменологической познавательной стратегии и трех типов вопросов к тексту «Ведомого рисования» (графическому и живописному), открывает возможность для перевода графического языка смысла на язык вербальный. Анализ исследовательского интервью методом «Обоснованной теории» позволяет всмотреться в структуру и динамику «феноменологического движения», устремленного к пониманию смысла.

Ключевые слова: феноменологический подход, графическая концентрация внимания, смысл, понимание, фиксированная графическая форма.

«В XX веке на передний план вышла и стала обсуждаться (психологический анализ этому весьма способствовал) проблема смысла» [Мамардашвили, 2010, с. 294]. В основополагающие понятия классической философии «истина» и «заблуждение» вторглось нечто третье — «смысл». Возник вопрос: что это значит для меня? Чем является? Что мне дает? Иное понимание теперь не следует однозначно расценивать как заблуждение, потому что оно может иметь смысл для человека. Этим поворотом в большой мере мы обязаны В. Дильтею. Желание понять человека во всей его полноте и целостности привело его к критике «объясняющей психологии» с ее попытками сводить неизвестное к уже известному, сложное — к простому; где понять — значит объяснить, отыскивая причину происходящего. Вместо каузального объяснения, которое опирается на внешние умозрительные конструкции, В. Дильтею

предлагает совершенно иной методологический принцип — *понимание*. Понять — значит обратиться к *внутренним основаниям* — к тому, что значит для меня это событие моей фактической жизни. Понимание, таким образом, оказывается связано с *извлечением смысла*. Понимающий подход к человеку видит в нем свободного субъекта и стремится постичь субъективный и каждый раз уникальный смысл переживаний и суждений вот этого человека; постичь тот смысл, который порожден им самим изнутри его собственного живого опыта [Дильтей, 1996].

М. Мамардашвили рассматривает смысл как «завершенный план сознания», который не дан нам эмпирически, но имеет решающее значение для нашего опыта. Согласно М. Мамардашвили, наша сознательная жизнь совершается всегда, имея параллельно некоторый «завершенный план сознания», с которым *соотносится* то, что происходит в горизонтальном, эмпирическом измерении. Если нет сопряжения с этим завершенным планом, мы «застреваем в обыденности». Мы будем бесконечно бродить в области эмпирии, пока не вступим в прямой контакт с этой целостностью. В этом соприкосновении с Целым и устанавливаются каждый раз смыслы. Через смыслы нечто большее входит в наш опыт и совершается в нем с бесконечным множеством вариаций. Надо испытывать «уважение к тому большему в нас, чем мы сами» [Мамардашвили, 2010, с. 280].

В свете нового смысла мы можем по-новому посмотреть на те же самые эмпирические данные; увидеть происходящие события в другом масштабе, в другой перспективе, чем они происходят в причинно-следственной цепи. Смысловой план обеспечивает нашу независимость от эмпирических событий и таким образом «спасает», как говорит М. Мамардашвили, человека от эмпирической зависимости. Человек, считает М. Мамардашвили, в принципе не воплотим в реальном эмпирическом пространстве и времени.

По В. Франклу «*воля к смыслу*» является важнейшей антропологической характеристикой человека — необходимым условием жизни, которое позволяет полностью проживать и понимать настоящее, мотивировать себя и организовывать собственную жизнь и деятельность. М. Босс видит жизнь человека как «бытие-в-мире-смыслов» [Цит. по: Шумский, 2010, с. 62].

Источник обретения смыслов для В. Франкла — та же причастность Целому — Жизни: не человек ставит вопрос о смысле своей жизни — жизнь сама ставит этот вопрос перед ним [Франкл, 1990].

Как их обнаружить? Никто, в том числе логотерапевт, не может дать человеку его собственные смыслы. Их нужно искать и находить самому.

В данной работе мы будем исследовать возможность постижения актуального смысла средствами *феноменологической методологии*. Феноменология описывает глубочайшие сокровенные переживания человека; открывает возможность человеку здесь-и-теперь во всей полноте высказывать самого себя, относиться к опыту, как к самодостаточно-му — такому, который может быть понят «изнутри самого себя», без обращения к внешнему причинному объяснению. Завершением такого переживания может стать рождение, «*в точке самого переживания*», имманентного самому переживанию смысла; смысла, который порожден *изнутри собственного живого опыта*, когда «душа движется на слух по шелесту действительной ткани жизни» [Мамардашвили, 2010, с. 298].

Как создать условия, которые не будут «предписывать чувствам какой-либо закон, а позволят им *самим выговориться о себе*» [Гете. Цит. по: Свасьян, 2001. с. 125]? Как создать условия, при которых сам опыт смог бы подыскать себе соответствующие понятия и выразиться через них? Иными словами, как открыть возможность самому переживанию обречься в соответствующие ему понятия?

Говоря так, мы ищем условия, которые позволяют человеку становиться «*автором собственной жизни* — тем, кто способен принимать свободные и ответственные решения» [Леонтьев, 2001]. Эту авторскую позицию В.А. Петровский называет «*самополаганием*» [Петровский, 2010, с. 482]. На пути самополагания человек «*высваивает*», как говорит В.А. Петровский вслед за М. Хайдеггером, себя — свои возможности и свои смыслы.

Цель данной работы состоит в исследовании некоторых условий и способов, которые открывают человеку возможность «высваивать» себя изнутри собственного живого опыта, выявляя актуальные его настоящие смыслы.

Вернемся к мысли В. Франкла жизнь сама ставит вопрос о смысле перед человеком; все, что мы можем делать — это быть открытыми для смыслов, которые предоставляет нам сама жизнь. Жизнь предоставляет их нам разными способами: прежде всего укажем на опыт «впечатления» М. Пруста [Буякас, 2009] и на сновидения [Буякас, Попов 2012]. В данной работе мы остановимся на обнаружении имманентных жизни смыслов средствами сообщений собственного тела.

Р. Лейнг всегда подчеркивал, что базисом, на котором устанавливается личность, является *ощущение собственного тела*. Средствами тела человек переживает себя как реального, живого и целостного, а «свою личность как воплощенную» [Лейнг, 2002]. «Требовательный характер целого — призыв исполниться переживается человеком как некая телесная интенция, которая побуждает человека отозваться на этот Зов» [Буякас, 2009, с. 34].

Как можно услышать эту телесную интенцию? Как стать сопричастным этому глубинному потоку побудительной силы Целого?

Мы предлагаем в качестве средства, позволяющего *выслушивать свою телесную интенцию* — метод «Ведомого рисования», который был разработан доктором психологии М. Гиппиус-Дюркхайм, ученицей Ф. Крюгера. Основанием методики послужили положения диссертации М. Гиппиус «Графическое выражение чувств», которую она защитила под руководством Ф. Крюгера в Лейпцигском университете в 1936 г. «Ведомое рисование» есть базовая методика экзистенциально-инициальной Школы К. Дюркхайма (Рютте, Германия), а ее ведущим Учителем более 40 лет была Урсула Круг (Ursula Kroug). И теперь эта методика используется в качестве базовой в разных Центрах инициальной психотерапии Германии, Франции, Латинской Америки, Австралии [Буякас, 1997, 2000; Архангельская, Пузырей, 2013; Scholler, 1983; Elbrext, 2006].

Следует подчеркнуть, что факт соотнесения *переживания с его телесным выражением*, мы хорошо знаем из работ Ю. Джендлина. Он подчеркивает, что *переживание всегда испытывается нами телесно* [Джендлин, 2000]. Однако в работах Ю. Джендлина сделан чрезвычайно важный следующий шаг: автор говорит не только о телесном выражении переживания, но и о порождении при этом *«телесно чувствуемого смысла»!* Телесно чувствуемый смысл Ю. Джендлин считает надежным и достоверным, однако изначально неотчетливым — «смутным, спутанным, неуловимым». Когда же удастся найти для его выражения подходящий символ, он становится «завершенным, полным и сформированным». Поэтому для Ю. Джендлина важнейшим является вопрос: как осуществить прямое обращение, прямую референцию к переживанию и его чувствуемому смыслу? В этих целях Ю. Джендлин разработал метод «Фокусирования», который, как он считает, позволяет установить контакт с чувствуемым смыслом. Мы полагаем, что «подходящий символ» может быть выявлен методом «Ведомого рисования», в процессе которого человек, с одной стороны, выслушивает свою телесную интенцию, а с другой — *находит соответствующий ей символ*. Этим символом является *«фиксированная графема»*. Иными словами, мы полагаем, что «Ведомое рисование» может оказаться тем методом, который инициирует прямое обращение, прямую референцию к телесному переживанию и его чувствуемому смыслу и позволяет ему стать «завершенным, полным и сформированным».

Процесс «Ведомого рисования» требует от человека полного присутствия внутри непосредственного опыта до тех пор, пока этот опыт не выскажет, не распахнет себя во всей полноте до упора в форме *«фикси-*

рованной графемы». Движения направляются только по внутреннему отклику — «шелесту действительной ткани жизни». Прислушиваясь к нему (к себе), человек открывается тому, что *ведет его изнутри, входит в контакт со своей внутренней интенцией*. Действуя так, он позволяет устанавливаться тому, что действительно находится, действительно *живет сейчас* в поле его сознания; дает ход тому, что само себя устанавливает, не подвергая его внешней интерпретации — позволяет «природе самой интерпретировать себя» (Гете). Процесс «Рисования» открывает возможность воссоединиться со своими про-из-водящими возможностями и, соответственно, понимать себя, исходя из своего собственного живого опыта. Человек открывается внутреннему, имманентному и трансцендентному в себе. Так тело становится глубоким и богатым выразителем души.

Описанные характеристики процесса «Ведомого рисования» позволяют рассматривать его как «феноменологическое движение» [Буякас, Попов, 2012]. Феноменологическое движение устанавливает человека в поток устремленного к целому (и устремленного целым) движения.

Как показано в исследованиях Т.М. Буякас [Буякас, 2000], процесс «Рисования» завершается, когда испытуемый *упирается* в окончательную, *фиксированную форму* (графему), дальше которой здесь-и-теперь процесс не развивается. Этот «упор» переживается человеком как чувство внутренней несомненности: открывшаяся форма есть для него сейчас та *«скала под песком, в которую упирается сомнение»* [Мамардашвили, 2010]. Случилось событие извлечения опыта — опыт *«кристаллизовался в структуре»* (М. Мамардашвили). Здесь возможны два варианта.

1. Одновременно с рождением этой графической формы, в «едином акте с переживанием» (по Б.М. Теплову), рождается ее *ясный и точно вербализуемый смысл*. В данном исследовании такое качество осмысления было только у трех испытуемых.

2. Окончательная графема, которую «упирается» процесс «Рисования», назовем ее «фиксированной графемой», еще не соотносится для испытуемого со столь определенным смыслом, что он может его вербально сформулировать. И таких случаев, как показывают исследования Т.М. Буякас, заметное большинство.

Следует отметить, что нечто подобное подчеркивает и Ю. Джендлин, описывая возможности метода «Фокусирования»: «очень часто оказывается, что найденный символ лишь частично покрывает переживание, что *требует дальнейшего прояснения переживаний клиента совместно с терапевтом*» — диалога [Улановский, 2012, с. 119].

Как организовать это «прояснение»? Мы предположили, что дополнительное использование метода «Фокусирования» может оказаться

здесь продуктивно. Соответственно, испытуемому было предложено повторять «фиксированную графему», выслушивая свое телесное чувство («felt sense», FS по Джендину), и, следуя ему, нарисовать тот образ, который из него вытекает. Телесное чувство (FS) «фиксированной графемы», как показывает опыт, достаточно определенно переживается испытуемым, и это открывает возможность отыскать точное соответствие ему в образе.

Соответственно, основанием диалога, проясняющего переживания клиента, станут два текста — графический и живописный.

Что позволяет нам предполагать возможность смыслового прочтения «фиксированной графемы» — перевода смысла, выраженного на языке тела и графики, на язык вербальный?

Прежде всего, — представления Э. Гуссерля, опираясь на которые Р. Мэй говорит, что «в сфере интенциональности лежат глубинные для человека смыслы его проблемы или ситуации» [Цит. по: Улановский, 2012, с. 62]. «Ведомое рисование» высвобождает эти глубинные жизненные интенции и открывает возможность графической фиксации их смысла.

Далее, — исследования в отечественной психологии, которые предполагают возможность такого перевода. Обратимся к ним.

«Фиксированная графема» не есть механическое, автоматически совершаемое движение; его выполнение всегда аффективно и эмоционально окрашено. Поэтому его, безусловно, следует отнести к категории «живого движения» (Н.А. Бернштейн). Согласно Н.А. Бернштейну, живое движение не просто повторяется, но каждый раз строится. При элементарной внешней форме оно имеет богатую живую внутреннюю форму. Недаром Н.А. Бернштейн для описания живого движения использовал такую метафору, как «паутина на ветру». В своих исследованиях Н.А. Бернштейн проникал за внешнюю оболочку живого движения в его внутреннюю структуру. Он понимал, что для того, чтобы построить движение, мало знать, как оно выглядит снаружи, нужно знать, как оно выглядит изнутри.

Чтобы ожить и не быть мертвым и схематичным, движение должно заговорить изнутри — наполниться *смыслом*. «Когда движение утрачивает свои субъектные свойства, свой смысл, оно превращается в моторные персеверации» [Зинченко, 2000, с. 51].

Имманентное присутствие личностного, аффективно окрашенного смысла делает движение не просто «геометрической кинемой», но живым движением, которое «мы не только исполняем, но и прочитываем: называем двигательными фразами, высказываниями, кинетическими мелодиями, говорим о поэтике движения» [Зинченко, 2000, с. 62]. Смысл, таким образом, — не внешнее по отношению к движению обра-

зование, он укоренен в движении, он представляет собой *внутреннюю форму* движения. Исходя из этого, «фиксированную графему» мы будем рассматривать как знак, которому корреспондирует личностный смысл. Как обнаружить этот смысл?

Ядром внутренней формы, как считает В.П. Зинченко, являются моторные программы, питающие ее энергией, без которой внутренняя форма не может быть живой, порождающей. Что позволяет моторной программе оказаться живой, порождающей? Смыслы! Опять мы видим роль и возможности смысла: в своих исследованиях В.П. Зинченко показал, что «язык моторных программ это, возможно, и есть язык *глубинных семантических структур*, который может выполнять функцию универсального языка-транслятора с языка, например, образов на язык слов или действий. ... Возможность переноса моторных структур на вербальные ... приоткрывает тайну языковых и, соответственно, семантических структур» [Зинченко, 2000, С. 80].

Итак, *глубинная семантика*, которая высказывает себя, транслируется через моторику, есть тот общий источник, корень, который может принимать форму движения, действия, образа, слова. Можно думать, что «фиксированная графема» есть эта внутренняя форма образа и слова — *графический язык глубинных семантических структур*.

Исследования В.П. Зинченко предполагают, как мы думаем, возможность трансформации «фиксированной графемы» в соответствующие ей образ и слово. Иными словами, возможность образно и вербально сообщить глубинную семантику движения, изначально высказанную на языке графики, — осуществить перевод графического языка смысла на язык вербальный.

Обоснование методики исследования.

Метод «Ведомое рисование»

Расширим смысловые рамки метода, рассмотрев его в контексте аналитической психологии К. Юнга. Согласно К. Юнгу, в символе сосуда представлена идея скрытой идентичности содержимого и содержащего. Идея того, что емкость и ее содержимое — одно и то же, родилась у К. Юнга на основе его собственного опыта, из воззрений алхимии, а также из этимологии слов «понятие» и «осмысление». «Во многих языках, — пишет М.Л. фон Франц, — эти слова отражают функцию емкости — средства улавливания и удержания в определенной форме идеи или какой-то сущности, которые при этом *принимают форму, удобную для их сохранения*» [Франц, 2007, с. 27].

Иными словами, форма сосуда (сохраняющего идею) будет определяться формой идеи, ее смыслом. К. Юнг, таким образом, подчеркива-

ет, что *по форме сосуда* можно видеть, как к проблеме относится сама психика, т.е. пытается понять психику средствами самой психики. Такое понимание он называет «символическим мышлением», а мы скажем, что это есть феноменологическая стратегия понимания.

К «фиксированной графеме» мы будем, соответственно, относиться как к сосуду, форма которого определяется тем смыслом, который он вмещает в себя и выражает. А «Ведомое рисование» будем рассматривать как процесс, который *сам строит себе форму выражения своего содержания — телесно чувствуемого смысла.*

Метод «качественного исследовательского интервью»

Выявленные в процессе «Ведомого рисования» смыслы, выражены, в большинстве случаев, *на языке тела и графики.* Понимание опыта «фиксированной графемы» и перевод графического языка смысла на язык вербальный организован в нашем исследовании средствами диалога психолога-исследователя с испытуемым методом качественного полуструктурированного интервью [Квале, 2009].

Первая особенность интервью:

Хорошо известно, что вопросы к тексту структурируют и упорядочивают опыт человека. С. Квале замечает, что основной проблемой качественных исследований являются недостаточно ясно сформулированные вопросы к тексту. Какие вопросы к тексту («фиксированной графеме») следует ставить в диалоге, чтобы они позволили структурировать опыт испытуемого так, чтобы открыть возможность понимания смысла, произведенного на графическом языке?

В исследовании [Буякас, Попов, 2012] было показано, что использование определенного фиксированного перечня вопросов открывает возможность для пошаговой интерпретативной работы: упорядочивает процесс феноменологического движения и приводит его к раскрытию смысла. Эти вопросы должны:

1) *амплифицировать переживание*, группируясь вокруг темы «Что ты чувствуешь?». Своими вопросами исследователь обостряет чувствительность ко всему, что вплетается в канву переживания. Он обращает внимание испытуемого на:

- *специфику его поведения* — *вербального* (речевые и эмоциональные акценты; изменение темпа речи; паузы и пр.) и *невербального* (смена позы; перемены в настроении; проявление экспрессивности; и пр.);
- *особенности графики:* пространственные параметры изображения; степень нажима; качество штриха; смена темпа, и пр.

Постановка вопросов такого качества требует от психолога-исследователя определенной квалификации как в понимании графического

языка, так и в способности наблюдать психологическое состояние испытуемого. Исследование К. Эльбрехт, ученицы К. Дюркхайма [Elbrecht, 2006], учит задавать продуктивные вопросы к графике;

2) *быть направлены на соотнесение с собой*, на чувство внутреннего соответствия: «Как ты к этому относишься?», «Соответствует ли это тебе?», «В чем смысл этого для тебя?», и пр.;

3) *быть направлены на связь с бодрствующей жизнью* испытуемого: «Что в Вашей жизни похоже на это?», «Что в Вашей жизни вызывает такое же чувство?», «Что в Вашей жизни это напоминает?», и т.д.

Перечисленные вопросы позволяют испытуемому увидеть более полную палитру своих чувств, полнее и глубже выслушивать и осознавать переживание. Диалог строится на базе указанных вопросов.

Вторая особенность интервью: диалог должен быть построен на базе феноменологической познавательной стратегии.

«Ведомое рисование» не предлагает *готовый ответ чужого сознания*, а создает условия для рождения своего собственного ответа — *ставит человека в ситуацию самоопределения*: в ситуацию произведения своего собственного смысла.

Соответственно, задача диалога — не закрыть собственный опыт испытуемого внешними теоретическими конструктами исследователя, но, наоборот, — открывать возможность «заговорить самому тексту» («фиксированной графеме»): позволить «сказаться ему полнее, точнее, членораздельнее», т.е. амплифицировать само понимаемое, «открывать ему дорогу, давать возможность выйти нам навстречу» [Пузырей, 2005, с. 311]. Иными словами, диалог *должен сохранять возможность «феноменологического движения»*, которое предоставляет метод «Ведомого рисования». Это значит, что диалог должен направляться и конституироваться данными, которые *предоставляет сам опыт*. Соответственно, основанием для вопросов будут также данные непосредственного опыта.

Описание структуры и динамики процесса феноменологического движения к вербально сформулированному смыслу мы будем осуществлять методом «Обоснованной теории» А. Страусса и Дж. Корбин [Страусс и Корбин, 2007].

Метод обработки данных: «Обоснованная теория»

К настоящему времени в качественных исследованиях существует несколько подходов, которые отличаются процедурами сортировки и кодировки данных, выделения категорий и паттернов. Все они нацелены на решение одной задачи — осмысление некоторого феномена. Мы будем использовать подход «Обоснованной теории» А. Страусса и

Дж. Корбин. Эта стратегия позволяет структурировать, связывать и обобщать опытно полученные данные по специально разработанной схеме анализа [Страусс, Кобрин, 2007].

В исследовании приняло участие 20 психологов (15 женщин и 5 мужчин) в возрасте от 21 до 35 лет. Со всеми участниками было проведено два обучающих занятия методами «Фокусинг» и «Ведомое рисование». Обучение «Ведомому рисованию» начиналось с графической медитации на «праформах».

Процедура проведения исследования

С каждым предварительно обученным испытуемым была проведена одна сессия. Сессия начиналась с предварительной телесной медитации, которая позволяла испытуемому попасть в более собранное состояние: сконцентрироваться, погрузиться в себя, в свою внутреннюю тишину, стать более присутствующим.

«Ведомое рисование»: человек, который через предварительную медитацию уже «сбран», т.е. присутствует в полноте своего существа, садится перед листом белой бумаги (размером 60 × 40 см). Глаза его закрыты, в руках у него черные восковые мелки.

Инструкция: «Переведите внимание на глубинное внутреннее пространство (грудь-живот-таз), усильте ощущение этого пространства, наполняя его своим дыханием. Вслушайтесь в *телесное чувство* (Felt Sense — FS) этого пространства — в то, как оно ощущается (инструкция Ю. Джендлина, соответствующая методике «Фокусинг», которой мы дополнили стандартную процедуру «Ведомого рисования»). Задайте себе вопрос: в чем сейчас *главная направленность моей жизни?* Каков сейчас мой *ведущий актуальный смысл*, который поможет мне *следовать* этой направленности?»

Не отвечайте на вопрос; оставаясь с ним, приступите к «Ведомому рисованию» — пусть говорит Ваше тело. Начните с движений, которые случаются как бы сами собой, и при этом *внимательно выслушивайте свой внутренний отклик* на эти движения. Ничто не должно предопределять их — никакие предваряющие образы и установки. Вначале Вы будете производить много «лишних» движений, но в какой-то момент Вы почувствуете, что совершаете какое-то «правильное» для себя движение — его выполнение идет в полном согласии с внутренним переживанием и сопровождается чувством правильности. Теперь Ваша задача — *следовать за этим откликом соответствующими движениями* по листу бумаги; *выверять*, насколько соответствует *внутренний голос его графическому выражению*. Своими движениями Вы как бы узнаете и выслушиваете свой отклик. Следуя за этим соответствием, Вы постепенно от-

кроетесь тому, что *ведет Вас изнутри*, войдете в контакт со своей *внутренней интенцией и начнете раскрывать ее*. Когда Вы надежно встроитесь в этот поток, Вы почувствуете, что голос внутреннего ведущего усиливается и процесс разворачивается по своей собственной внутренней логике. Следуйте ей — позвольте процессу вести себя, никак не управляя им. Со временем, возможно, Вы «упретесь» в движение, которое далее не развивается. Назовем его «фиксированной графемой». Прodelайте ее еще несколько раз, чтобы убедиться, что сейчас Ваш процесс завершен.

Повторите «фиксированную графему» несколько раз, выслушивая свое телесное ощущение (FS). Какое слово, образ, *вытекает из* этого телесного чувства? Можете ли Вы подобрать слово, передающее суть ощущения? Мягко откройте глаза. Напишите слово; выразите в рисунке свои чувства и переживания, которые Вы испытываете сейчас. Как мог бы выглядеть этот опыт, если Вы выразите его в рисунке?

Уточнение: Ваш рисунок может быть выполнен в любом стиле, самыми разными способами: только цветом, только линиями; быть выражен в любой графической и живописной манере.

После того, как испытуемый завершит самоотчет в виде рисунка, мы переходим к исследовательскому интервью на базе вербального, графического и живописного самоотчетов.

Эмпирические данные

Опишем ход процесса. Прежде всего, очевидно, что двигаться, выслушивая себя-сейчас-здесь-присутствующего, человеку не так просто. Ему трудно выйти за пределы неких предустановочных движений, открыться своей свободе и спонтанности. Некоторые испытуемые, скорее, искусственно конструируют движения, чем сопровождают себя. Конструирующий характер процесса, как правило, очевиден: это предпочтение прямых, угловатых форм (линий, соответствующих мужскому архетипу) и сильный равномерный нажим. Известно, что мужские формы требуют сознательного контроля [Elbrecht, 2006]. Однако постепенно человеку удастся начать выслушивать свой внутренний отклик и графически следовать за ним — сопровождать самого себя.

Возможны случаи, когда новое движение пугает человека или переживается им как «неприятное»: «Это движение напугало меня, оно было очень неожиданно. Оно мне неизвестно, но я пошла за ним». Чтобы продолжать следовать за собой, порой, требуется большое мужество и честность: «Я сейчас открываюсь в рисунке, мне это неприятно, но я продолжаю это делать, потому что кому-то внутри меня это необходимо».

Совершая движение, человек ясно осознает, насколько оно ему соответствует. Этот отклик позволяет различать «чужие себе», случайные движения и те, на которые отзывается все внутреннее существо. Выслушивая отклик, человек постепенно обучается входить в контакт с тем, что ведет его изнутри, — со своей внутренней интенцией. Испытуемый хорошо осознает, когда он входит в этот контакт: «я лишь следовала за тем, что исходило откуда-то изнутри»; «я стал союзником себя! Позволил вести себя своему неведомому внутреннему потоку», и т.п.

С некоторого момента голос внутреннего ведущего усиливается. Движения становятся более определенными и выразительными. Теперь уже не испытуемый ищет соответствие своих движений внутреннему чувству, а сами движения обретают требовательный характер. Испытуемый переживает присутствие некоего *внутреннего императива*: «это движение совершенно непонятной и таинственной силой *заставляет меня* непрерывно его повторять»; «возникло чувство, что я просто обязана совершать это движение. Будто оно какое-то слово, которое просто необходимо сказать, выразить. Будто это крик моей души», и т.д.

Самоотчеты подобного рода есть для нас убедительное свидетельство того, что испытуемый вошел в прочный контакт со своей внутренней интенцией. Следуя ей, он теперь быстро находит движение, которое далее не трансформируются: «Я нашел свое движение. Я не хочу и не могу сейчас другое рисовать». Человек устойчиво фиксируется на определенной форме, повторяя ее вновь и вновь — он, будто, опирается в самого себя. Эта форма как бы «сама выходит» из его рук, создавая ощущение «творящего потока», который течет без усилий. Человек чувствует себя, скорее, проводником того, что исходит откуда-то изнутри на бумагу: «будто что-то само нашло выход из глубины и просто льется на лист, завоевывая себе место быть в этом мире сейчас».

Все испытуемые находили такую форму. На базе этого движения начнется диалог с психологом.

Используя язык М. Мамардашвили, можно сказать, что человек опирается в «*скалу под песком*» — во «внутреннее феноменальное препятствие». Эта графема для него сейчас несомненна.

Эту власть текста графемы испытали практически все наши испытуемые. И в этом для нас свидетельство ее валидности.

О власти внутренней силы нам часто рассказывают мастера искусства. Например, И. Бродский говорит о «диктате языка», о том, что, порой, «язык подсказывает или просто диктует следующую строчку» [Бродский, 2010, с. 20]. И поэтому он называет текст «ускорителем сознания», ибо «заканчивающий стихотворение поэт значительно старше, чем он был, за него принимаясь» [Бродский, 2010, с. 82].

Подобное наблюдает испанский художник Х. Миро: «Я начинаю картину, и по мере работы картина начинает *сама заявлять о себе, а моя кисть ей соответствовать*. Форма рождается в процессе работы. Мой запас форм формировал себя *почти вопреки мне...* Произведения созревают у меня в голове, как в огороде. Я работаю как садовник» (Собственные комментарии к рисункам на выставке Х. Миро).

Важно, что эта «скала под песком» переживается как прочное соответствие самому Себе и обостренное чувство себя: «Я чувствую, что это, действительно, я. Будто мое действительное Я вышло наружу из-под оков. Я ощущаю свое полное присутствие — я вся здесь и вся сейчас. Так я могу, ничего не говоря, просто быть собой»; «совершая это движение, я делаю что-то очень истинное для меня. В нем как-то таинственно явлена *правда меня*: Да-да-да! Тебе *это* надо!»

Развитие процесса отражается не только субъективно, но и находит свое внешнее выражение. Наблюдая за тем, как работает человек, можно зафиксировать момент встречи с несомненным для него движением: *мимика становится участвующей*, как бы свидетельствуя о попадании в состояние какого-то *согласия с самим собой*; может появиться легкая, едва заметная улыбка; меняется *поза* — человек как бы садится в самого себя. Может измениться качество штриха: степень нажима, форма, темп, и пр.

Наблюдая за испытуемым, видишь, что человек переживает что-то волнующее и значительное для себя. Это особое состояние респондента заметно не только внешнему наблюдателю, но очевидно и ему самому. Это волнение говорит, что человек сейчас встретился не просто с неким знанием, а проживает что-то значительное — как бы возвращает себе свою «природную связь с глубиной, волнующей и никогда не проясняемой до конца» [Седакова, 2010]. Об этом же говорит и Ю. Джендлин: «когда найден подходящий символ для телесного ощущения, приходит чувство облегчения, будто тело благодарит, что ему позволили проявить целостность своего бытия» [Джендлин, 2000, с. 34].

Проживание этой «счастливой тревоги глубины» [Седакова, 2010] есть убедительное свидетельство события, которое вырастает из *непосредственной данности самого переживания*, а не есть следствие рассуждений. Именно поэтому оно и затрагивает всего человека, *целостно переживается им*, всем его существом, и, прежде всего, телесно. Только когда затронут внутреннее существо человека, его целое, появляется возможность так несомненно и значительно заявить о себе. Изначально — в *символической форме* в виде некой графемы. Это, можно сказать, «письмо, написанное тебе лично тобой лично» [Седакова, 2010] средствами которого человек понимает са-

мого себя, исходя из самого себя («Я и садовник, я же и цветок» — О. Мандельштам).

«Фиксированная графема» обычно переживается *всем телом*. Порой испытуемый чувствует, что все его тело хочет совершить это движение — исполнить некий танец: «Всему моему телу хотелось следовать за моими руками. Это было похоже на какой-то танец». Такой танец телом есть, с нашей точки зрения, случай предельного откровения внутренней интенции, ее власти и несомненности.

В таких случаях (чтобы дополнительно усилить и укоренить опыт в теле) мы просим человека встать и произвести найденное движение всем телом. Движение разворачивается, наполняется оттенками и обертонами, превращаясь действительно в некий жест-танец. Тело становится глубоким и богатым выразителем души. Душа сообщает себя через живой волнующий жест. Про этот жест мы можем сказать, используя язык Михаила Чехова, что «так жестикулирует наша душа» [Чехов, 1986].

Этот жест, выращенный из самой глубины, открывает возможность для постановки дополнительных, крайне продуктивных вопросов в диалоге.

Выполнение инструкции: выразить *в рисунке* свои чувства и переживания в процессе медитации на «фиксированной графеме», — имело две разные формы.

1. Практически у половины испытуемых (8 из 20) возникал *предметный рисунок*. Типичный пример самоотчета в таком случае: «В какой-то момент я почувствовал, что это именно то движение, которое мне нравится, но *что это значит, еще не родилось. А потом возникла эта картина*: я, дирижирую своим оркестром, делаю движения кистями рук, как дирижерской палочкой». Испытуемый рисует оркестр, ноты, себя.

2. У другой части испытуемых (9 из 20) не возникало какого-либо предметного образа — используя разные цвета, они рисовали, скорее, геометрическую фигуру, по своей форме близкую к «фиксированной графеме».

Оба варианта рисунка заметно расширяли возможности для построения полуструктурированного интервью.

Обработка эмпирических данных

Приведем пример диалога, в котором отражены главные закономерности процесса понимания смысла «фиксированной графемы» и пошаговой интерпретативной работы методом «Обоснованной теории» (ОТ).

Испытуемый Э.

№	Диалог: испытуемый (И) — психолог (П)	Тип вопроса	Структурные компоненты ОТ: категории (К), субкатегории (СК)
1	П.: Что Вы чувствовали, исполняя «фиксированную графему»?	Соотнесение со своими чувствами	
2	И.: Это движение мне сразу понравилось, стало созвучным мне. Но оно пришло не сразу, я его долго искал. В какой-то момент я почувствовал, что это движение мне нравится, но, что именно...? Возникло состояние... покоя, умиротворенности, но что это значит, еще не родилось. А потом возникла эта картина: я дирижирую своим оркестром, делаю движения кистями рук, как дирижерской палочкой; в определенных местах делаю акценты. Оркестр почему-то в темноте, хотя музыку я слышал не мрачную. Ноты были белые, а все остальное темное		Категория 1. Дирижер своего оркестра. <i>СК1 — Свойства:</i> оркестр почему-то в темноте, ноты белые
3	П.: Для Вас — дирижера, важно, чтобы был оркестр?	Личностный смысл К1	
4	И.: Да, безусловно, без него деятельность теряет смысл		Подтверждение
5	П.: А смысл для Вас в этой деятельности состоит в...?	Личностный смысл К1	
6	И.: Я дирижирую оркестром, причем, не воображаемым, а реальным. Эти движения — управленческие, и их на ком-то надо реализовать. Кто-то должен показывать момент, когда играть. Мой оркестр. Мои музыканты. Силуэты музыкантов были в темноте		<i>СК1 — Свойства:</i> оркестр не воображаемый, а реальный <i>СК1 — Стратегия управления:</i> управленческие движения, кто-то должен показывать
7	П.: Можно сказать, что для Вас в жизни важно, чтобы присутствовала возможность управления?	Связь с бодрствующей жизнью	
8	И.: Да, именно, мне важны управленческие функции		<i>СК1 — Следствие:</i> мне важны управленческие функции

9	П.: Вы сказали «мой оркестр», и нарисовали его. Как Вы при этом чувствуете себя?	Соотнесение со своими чувствами	
10	И.: <i>Я — Хозяин</i>		Категория 2. Хозяин
11	П.: Хозяином?	Подтверждение	
12	И.: Безусловно		Подтверждение
13	П.: Это состояние, как говорится, по жизни, Вам важно?	Связь с бодрствующей жизнью	
14	И.: Да, безусловно! Это важно для меня. (Пауза). Я думаю, что сейчас понимаю, в чем тут дело: это мои нереализованные амбиции. Деятельность собственно дирижера меня не интересовала никогда. Это касается моей настоящей деятельности, моей работы. Здесь я должен быть дирижером, руководителем, а я не начальник на работе		<i>СК2 — Условия появления:</i> моя работа; нереализованные амбиции; я не начальник на работе. <i>СК1 — Стратегия управления:</i> я должен быть дирижером, руководителем
15	П.: Вам нужен именно оркестр?	Следование за	
16	И.: Да, (пауза) именно оркестр. На данный момент я занимаю определенную должность, но это не совсем то, <i>не тот масштаб</i>		<i>СК2 — Свойства:</i> определенная должность, но это не тот масштаб.
17	П.: Для Вас важен масштаб?	Следование за	
18	И.: Да, это должно быть не трио и не квартет, это должно быть оркестр симфонический. Симфонический — ключевое слово: в нем заложен масштаб		Категория 3. Масштаб
19	П.: То есть Вам нужно быть дирижером большого симфонического оркестра, а не квартета?..	Следование за	
20	И.: (Длинная пауза). Да... мне кажется, я это знал, но в тоже время... <i>для меня это открытие! Мне важен масштаб!</i>		<i>СК3 — Условия появления:</i> это открытие! <i>СК3 — Следствие:</i> мне важен масштаб!
21	П.: Ваш рисунок занимает весь лист, задействовано все пространство	Обращение к рисунку, амплификация переживания	

22	И.: Да, в этом виден масштаб. <i>Мне важен масштаб</i> (Пауза). <i>Теперь я буду знать, к чему мне надо идти</i>		СКЗ — Следствие: мне важен масштаб. СКЗ — Стратегия управления: теперь я знаю, к чему мне надо идти
23	П.: Уже есть ноты, но оркестр пока не освещен... , а Вы готовы?..	Соотнесение с собой	
24	И.: <i>Да, я готов стать дирижером большого симфонического оркестра.</i> Осталось только включить свет... (Пауза). Отчетливо и ярко видны ноты — у меня есть методы. Я чувствую себя профессионалом		СКЗ — Следствие: я готов стать дирижером большого симфонического оркестра. У меня есть методы. Я чувствую себя профессионалом
25	П.: Это было видно по лицу: когда Вы нашли свое движение, ваше лицо резко просветлело, появилась улыбка. Все тело убедительно говорило о степени Вашего профессионализма: руки выполняли сложный узор, чередовались, сменяли и подхватывали друг друга; порой, Вы, будто гладили что-то всей кистью. Участвовали все пальцы, было включено все тело	Подтверждение через обращение к опыту тела, амплификация переживания	
26	И.: Интересно как...(пауза). Действительно, я всем собой чувствую свои возможности		СКЗ — Следствие: интегральное осмысление — я всем собой чувствую свои возможности
27	П.: Итак, соберем все вместе. Я — дирижер, я какой?	Побуждение к созданию нарратива	
28	И.: <i>Я готов стать дирижером большого симфонического оркестра. Я спокойный и уверенный дирижер.</i> Рисуя, ощущая себя на этом мостике, я чувствую себя уверенно. <i>Я был в процессе, в котором я уверен. Я чувствую себя профессионалом.</i> Теперь я знаю, к чему мне надо идти: <i>мне важен масштаб, а не рамки</i>		Формулировка нарратива — смысла

Феноменологическая познавательная стратегия не требует *внешнего объяснения* того, с чем мы имеем дело; но предполагает особую способность осуществлять *раскрывающее* движение по *высвобождению* некой силы целого, с помощью которой это Целое само себя устанавливает [Буякас, Попов, 2012]. Феноменологический подход открывает возможность для другого типа понимания: понимать — значит позволять устанавливать тому, что действительно находится, действительно *живет сейчас* в поле сознания этого человека; давать ход тому, что само себя устанавливает; полагаться на собственное, непосредственное внутреннее видение — на «действительную реальность — то, что вырастает из нас самих» [Мамардашвили, 2010].

Целое невозможно схватить в качестве объекта, ибо это не то, что человек «имеет», — его можно лишь постигать, помогая разворачиваться, раскрываться тому знанию, которое не существует ни внутри личности, ни во вне у исследователя. Оно конституируются. На примере яркой метафоры, отличающей шахтера от путешественника, С. Квале поясняет суть этого различия. В «шахтерском подходе» предполагается поиск смысла, который существует, но глубоко скрыт. В «подходе путешественника» исследователь участвует в создании смысла, которого у человека еще нет [Квале, 2009]. То есть это не попытка извлечь то, что уже есть, готовое — это работа *понимания как распахиwania пути* тому, что само себя устанавливает. Этот процесс носит всегда *диалогический характер*. Здесь самое время вспомнить М.М. Бахтина: «Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя» [Бахтин, 1979].

Базовым критерием того, что диалог организован правильно, является *развертывание процесса* понимания. Действительно, мы видим, что в процессе диалога изначальный текст постоянно развертывается: отвечая на вопросы, испытуемый все глубже и точнее утверждает в понимании себя. Диалог становится тем инструментарием, в котором и через который порождается это понимание. Обнаруживая свои чувства и переживания через текст диалога, испытуемый видит новые аспекты и новые связи, которых он ранее не осознавал. Они впервые производятся самим текстом и в самом тексте. В итоге этот путь упирается в понимание: «Теперь я знаю, к чему мне надо идти: мне важен масштаб, а не рамки. Я готов стать дирижером большого симфонического оркестра».

Как это видно, мы задавали три типа вопросов к тексту (вербальному и живописному): 1. «Что ты чувствуешь?»; 2. «Как ты к этому относишься? Что это значит для тебя?»; 3. «Как это соотносится с жизнью?» Кроме того, так как феноменологическая стратегия предполагает *следование за человеком* («раскрывающее сопровождение»), вопросы исследу-

дователя были напрямую обращены к высказываниям испытуемого, а также к его невербальному поведению. В данном диалоге мы видим, как некоторые вопросы обращены к тем категориями, которые сформулировал сам испытуемый (см., например, п.п. 15, 17, 19).

Анализ диалога показывает его общие свойства:

1. Использование определенного *фиксированного типа вопросов* (см. выше), открывает возможность для пошаговой интерпретативной работы: упорядочивает и структурирует процесс «феноменологического движения»; открывает возможность «устремить» феноменологическое движение к производству некоей очевидности — вербально сформулированного смысла.

2. Исследователь не нацеливает испытуемого отыскивать что-то пред-данное (не делает его «шахтером» по Квале), а своими вопросами высвобождает, устанавливает то, что впервые в жизнь производится. Это умение *сохранять в диалоге возможность феноменологического движения* есть обязательное свойство продуктивного диалога.

3. Все вопросы психолога *обращены к живому опыту человека*. Это позволяет испытуемому конституировать смысл через абсолютный по точности и достоверности *личностный критерий — свой собственный внутренний отклик*.

4. Диалог *усиливает пристальность внимания* испытуемого к собственному непосредственному переживанию. Исследователь обращает внимание на те моменты, на которые испытуемый сам не обратил достаточного внимания или даже вообще не заметил.

5. Вопросы к языку графики существенно *амплифицируют переживание*.

6. Крайне продуктивными являются вопросы, которые направлены *на связь с бодрствующей жизнью* испытуемого.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что качественное исследовательское интервью на базе феноменологической стратегии диалога и трех типов фиксированных вопросов к тексту позволяет перевести графический язык смысла на язык вербальный.

Анализ диалога методом «Обоснованной теории» позволяет всмотреться в то, как происходит движение в понимании смысла.

Сначала обратим внимание на процесс структурирования.

1. Собственный рассказ испытуемого позволяет выделить изначально им самим обозначенную *Категорию 1*.

2. Вопросы психолога обнаруживают *структурные составляющие (субкатегории) Категории 1* — ее свойства, условия появления, следствия, стратегии управления (СК1). Иными словами, открывают возможность для ее полного раскрытия и развертывания.

3. Процесс диалога выявляет следующую *новую Категорию 2*, которой изначально в рассказе испытуемого не было.

4. Диалог открывает возможность для ее раскрытия и развертывания, обнаруживая связанные с ней *субкатегории (СК2)*.

5. Постановка вопросов к этим субкатегориям позволяет выявить *новую Категорию 3*.

6. Вопросы исследователя к Категории 3 и к связанным с ней субкатегориям позволяют испытуемому рассматривать и уточнять новый, обретенный им, смысл.

Мы видим, что в процессе диалога идет процесс *дальнейшего конституирования смысла*: открывается более содержательная и связная картина — такая, которой *не было в изначальном тексте*. Умение сохранять в диалоге возможность феноменологического движения есть обязательное свойство продуктивного диалога.

Тот факт, что изначальный текст развертывается вопросами к личности испытуемого, свидетельствует, что смысл конституируется через *абсолютный по достоверности личностный критерий — внутренний отклик*. Именно эта *личностная значимость* категории позволяет столь богато «распахивать» ее контекст — «приводить к присутствию» связанные с ней субкатегории. *Работа понимания*, таким образом, идет как *«распахивание» пути* тому, что само себя устанавливает — т.е. пути «феноменологии инициального опыта» (А.А. Пузырей). Феномен *выслушивается и высвобождается* диалогом. Диалог такого качества мы называем *«понимающим»*.

Рассмотрим непосредственную *динамику процесса понимания*. Анализ диалога методом «Обоснованной теории» позволяет пристально вглядываться в динамику процесса, систематически осмысливать данные и связывать их; предлагает язык для описания и обсуждения.

Мы видим, что процесс диалога открывает возможность для *«наполнения»* (А. Страусс, Дж. Корбин) отдельных категорий связанными с ними субкатегориями, а также для выявления новых. Вопросы о *«личностном отношении»* и вопросы, *амплифицирующие переживание*, позволяют «наполнить» категории свойствами, условиями появления, следствиями, открывают стратегии управления ими. Вопросы о *«связи с жизнью»* как бы погружают некую категорию в жизнь. Она становится живой — начинает волновать человека, к ней рождается личностное отношение (см. п. 7, 13). А.Ф. Лосев в этом случае сказал бы, что идет «нагнетание жизни».

В процессе «наполнения» («нагнетания жизни») одна из категорий становится *«ведущей»* — «распахивается» «лучше» других: богаче, быстрее, активнее; она как бы «набухает», усиливается, ярче окрашивается — становится «выпуклой феноменологической очевидностью» (Ф. Васи-

люк). По-видимому, это «набухание» есть свидетельство того, что человек «уперся» в категорию, содержание которой он переживает как-то особенно полно, чувствует, что оно связано с чем-то крайне важным для него.

Обратимся опять к диалогу. Средствами ОТ было выделено три категории. Однако только Категория 3 («Масштаб») наполняется наиболее полно и динамично. «Наполнение» идет именно в процессе диалога, т.е. в пространстве, которое впервые рождается между исследователем и испытуемым. И только после полного раскрытия всех, связанных с ней субкатегорий, испытуемый сумел сформулировать смысл (нарратив), который сообщал себя через «ведущую» категорию.

Анализ диалогов других испытуемых методом ОТ обнаруживает ту же тенденцию.

Мы можем сделать вывод, что анализ качественного исследовательского интервью методом «Обоснованной теории» позволяет категоризовать (структурировать) качественные данные, устанавливать связи между категориями и рассмотреть динамику процесса понимания, в ходе которого формулируется произведенный средствами графической медитации смысл.

Обратим внимание на прямую связь подхода «Обоснованной теории» с рекомендациями И. Гёте к тому, как открыть «природе возможность самой интерпретировать себя» так, чтобы «сохранить себя живой», а не «убить словом». «Ничего, кроме внимания, не должно стеснять явление», говорит Гёте, и тогда «в скором времени я начинаю замечать, что за явлением таится разнообразие составляющих его элементов или факторов. И еще я замечаю, что не все факторы эти однозначны: среди них есть главные и побочные, существенные и второстепенные. Само явление показывает мне эту специфику, но я не тороплюсь с выводами и продолжаю наблюдать. Теперь мое наблюдение имеет некую основу; я знаю, на что именно следовало бы обратить особенное внимание; спонтанно, как бы без моего участия, во мне происходит ненавязчивая классификация факторов. Поскольку появляются *опорные пункты* в наблюдении, можно различить существенное и несущественное — очистить явление. Я устраняю побочные и несущественные факторы, пытаюсь свести сложное к простоте» [Гёте. Цит по: Свасьян, 2001, с. 110]. Так, «всякое *смотрение* переходит в рассматривание, всякое рассматривание — в размышление, всякое размышление — в связывание; и потому можно сказать, что при каждом *внимательном взгляде*, брошенном на мир, мы уже теоретизируем. Теория основывается не на абстрактном измышлении, а на *доблести внимательных глаз*. Восстанавливается исконный греческий смысл слова теория — созерцание» [Гёте. Цит. по Свасьян, 2001, с. 94].

Мы видим, что оба подхода объединяет условие, которое позволяет опыту «выговориться самому о себе» и через эти высказывания «облечься в соответствующие ему понятия» (Гёте). Этим условием является «внимательный глаз».

Заключение

Исследование показало, что в процессе графической концентрации внимания («Ведомого рисования») человек способен войти в контакт со своей глубинной «телесной интенцией». Медитация становится для него тем инструментарием, в котором и через который он раскрывает и усиливает ее, все глубже и точнее определяясь в ее выражении. В «Ведомом рисовании» отсутствуют какие-либо внешние ориентиры, движение направляется только по внутреннему отклику. Метод открывает человеку возможность понимать себя, исходя из своего собственного живого опыта, не подвергая его внешней интерпретации. Собственное тело становится глубоким и богатым выразителем души.

Описанные в работе характеристики процесса «Ведомого рисования» позволяют рассматривать его как «феноменологическое движение». Завершение феноменологического движения *фиксированной графической формой* переживается человеком как чувство внутренней несомненности: форма становилась для него той «скалой под песком, в которую упирается сомнение» (М. Мамардашвили). Данные аналитического обзора и результаты исследования позволяют рассматривать «фиксированную графему» как графический «язык глубинных семантических структур» (В.П. Зинченко).

Результаты исследования показывают, что в большинстве случаев испытываемые нуждаются в прояснении смысла графического текста («фиксированной графемы»). В этих целях стандартная процедура «Ведомого рисования» дополнена методом «Фокусирования» и диалогом — методом качественного исследовательского интервью. Показано, что интервью, на базе феноменологической познавательной стратегии и трех типов фиксированных вопросов к тексту «Ведомого рисования» (графическому и живописному), позволяет осуществить перевод графического языка смысла на язык вербальный.

Показано, что главным свойством диалога является умение сохранять в нем возможность «феноменологического движения» и ставить вопросы, обращенные непосредственно к живому опыту человека.

Анализ диалога методом «Обоснованной теории» позволяет проследить, как разворачивается изначальный текст: отвечая на вопросы, респондент все глубже и полнее утверждает в понимании себя.

Синтез методов «Фокусирования» и «Ведомого рисования», разработанный авторами в работе, оказывается, на наш взгляд, крайне продуктивным.

«Ведомое рисование» не предлагает готовый ответ чужого сознания, а создает условия для рождения своего собственного ответа — ставит человека в ситуацию самоопределения: в ситуацию произведения своего собственного смысла. В собственном опыте человека, который он испытывает здесь-и-сейчас, есть основание и возможность для произведения смысла.

Выявление самим человеком актуальных его настоящему смыслов позволяет созидать себя-подлинного, самоопределяться; открывает способность «быть причиной себя», т.е. становиться автором собственной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельская В.В., Пузырей А.А.* «Ведомое рисование» как метод инициальной психотерапии // Консультативная психология и психотерапия, 2013. № 1. С. 193—201.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.
- Бродский И.А.* Власть стихий. СПб.: Азбука, 2010. 224 с.
- Буякас Т.М., Зевина О.Г.* Опыт утверждения общечеловеческих ценностей — культурных символов — в индивидуальном сознании // Вопросы психологии, 1997. № 5. С. 44—56.
- Буякас Т.М.* Личностное развитие в условиях работы самопонимания, опосредствованной символами // Вопросы психологии, 2000. № 1. С. 96—108.
- Буякас Т.М.* Феноменология смысла: смысл как зов души // Московский Психотерапевтический журнал, 2009. № 2. С. 94—109.
- Буякас Т.М., Попов С.А.* Феноменологический подход к работе со сновидениями // Консультативная психология и психотерапия, 2012. № 2. С. 66—109.
- Джендлин Ю.Т.* Фокусирование. Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 400 с.
- Дильтей В.* Описательная психология. СПб.: «Алетейя», 1996. 296 с.
- Зинченко В.П.* Мысль и слово Густава Шпета. М.: УРАО, 2000. 208 с.
- Квале С.* Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2009. 301 с.
- Лейнг Р.* «Я» и другие. М.: Класс, 2002. 248 с.
- Леонтьев Д.А.* О предмете экзистенциальной психологии // Материалы 1 Всероссийской научно-практической конференции по экзистенциальной психологии. М.: Смысл, 2001. С. 3—6.
- Мамардашвили М.К.* Очерк современной европейской философии. М.: «Прогресс-Традиция», 2010. 584 с.
- Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 559 с.
- Пузырей А.А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005. 488 с.
- Свасьян К.А.* Философское мировоззрение Гете. М.: evidentis, 2001. 218 с.

- Седакова О.А.* Символ и сила. Т. 4. М.: ун-т Дм. Пожарского, 2010. С. 548—655.
- Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования. М.: КомКнига, 2007. 254 с.
- Улановский А.М.* Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2012. 255 с.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
- Франц М.Л.* Избавление от колдовства в волшебных сказках. М.: Класс, 2007. 128 с.
- Чехов М.А.* Литературное наследие. М.: Искусство, 1986. т. 2. 559 с.
- Шумский В.Б.* Экзистенциальная психология и психотерапия: теория, методология, практика. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. 184 с.
- Elbrecht C.* Published by Johanna Nordlander Verlag Rutte. Munchen: Novalis, 2006. 304 с.
- Schoeller G.* Heilung aus dem ursprung. Praxis der Initiatischen Therapie. Munchen: Novalis, 1983. 382 с.

PHENOMENOLOGICAL DESCRIPTION OF THE PROCESS OF PRODUCING MEANINGS BY THE METHOD OF GUIDED DRAWING

T.M. BUYAKAS, O.A. TANKOVA

The work gives a phenomenological description of the process of arising of the meanings that are significant for the current moment in the person's life and activity through the Guided Drawing method; the structure and dynamics of the process are described; the analysis of the conditions and means, which enable the actualization of personal meanings, is done. Graphical meditation ("Guided Drawing") is seen as a method of direct referencing to the experience and its felt sense. It is shown that the research interview on the basis of phenomenological cognitive strategy and the three types of questions to the text of Guided Drawing (graphical and pictorial) enables the translation from graphic language of the meaning into verbal language. The analysis of the research interview by the Grounded Theory method allows in-depth studying the structure and dynamics of the "phenomenological movement" towards understanding of the meaning.

Key words: phenomenological approach, graphic concentration of attention, meaning, understanding, fixed graphical form.

Arkhangel'skaya V.V., Puzyrej A.A. "Vedomoe risovanie" kak metod initial'noj psikhoterapii // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya, 2013. № 1. С. 193—201.

Bakhtin M.M. Problemy poehtiki Dostoevskogo. М.: Sov. Rossiya, 1979. 320 с.
Brodskij I.A. Vlast' stikhij. SPb.: Azbuka, 2010. 224 с.

- Buyakas T.M., Zevina O.G.* Opyt utverzhdeniya obshhechelovecheskikh tsennostej — kul'turnykh simvolov — v individual'nom soznanii // *Voprosy psikhologii*, 1997. № 5. С. 44—56.
- Buyakas T.M.* Lichnostnoe razvitiye v usloviyakh raboty samoponimaniya, oposredstvovannoj simvolami // *Voprosy psikhologii*, 2000. № 1. С. 96—108.
- Buyakas T.M.* Fenomenologiya smysla: smysl kak zov dushi // *Moskovskij Psikhoterapevticheskij zhurnal*, 2009. № 2. С. 94—109.
- Buyakas T.M., Popov S.A.* Fenomenologicheskij podkhod k rabote so snovideniyami // *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2012. № 2. С. 66—109.
- Dzhendlin Yu.T.* Fokusirovanie. Novyj psikhoterapevticheskij metod raboty s perezhivaniyami. M.: Nezavisimaya firma "Klass", 2000. 400 c.
- Dil'tej V.* Opisatel'naya psikhologiya. SPb.: "Aletejya", 1996. 296 c.
- Zinchenko V.P.* Mysl' i slovo Gustava Shpeta. M.: URAO, 2000. 208 c.
- Kvale S.* Issledovatel'skoe interv'yu. M.: Smysl, 2009. 301 c.
- Lejng R.* "Ya" i drugie. M.: Klass, 2002. 248 c.
- Leont'ev D.A.* O predmete ehkzistentsial'noj psikhologii // *Materialy 1 Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii po ehkzistentsial'noj psikhologii*. M.: Smysl, 2001. С. 3—6.
- Mamardashvili M.K.* Ocherk sovremennoj evropejskoj filosofii. M.: "Progress-Traditsiya", 2010. 584 s.
- Petrovskij V.A.* Chelovek nad situatsiej. M.: Smysl, 2010. 559 c.
- Puzyrej A.A.* Psikhologiya. Psikhotekhnika. Psikhagogika. M.: Smysl, 2005. 488 c.
- Svas'yan K.A.* Filosofskoe mirovozzrenie Gete. M.: evidentis, 2001. 218 c.
- Sedakova O.A.* Simvol i sila. T. 4. M.: un-t Dm. Pozharskogo, 2010. S. 548—655.
- Ctrausc A., Korbin Dzh.* Osnovy kachestvennogo issledovaniya. M.: KomKniga, 2007. 254 s.
- Ulanovskij A.M.* Fenomenologicheskaya psikhologiya: kachestvennye issledovaniya i rabota s perezhivaniem. M.: Smysl, 2012. 255 c.
- Frankl V.* Chelovek v poiskakh smysla. M.: Progress, 1990. 368 c.
- Frants M.L.* Izbavlenie ot koldovstva v volshebnykh skazkakh. M.: Klass, 2007. 128 c.
- Chekhov M.A.* Literaturnoe nasledie. M.: Iskusstvo, 1986. t. 2. 559 c.
- Shumskij V.B.* Ehkzistentsial'naya psikhologiya i psikhoterapiya: teoriya, metodologiya, praktika. M.: Izdatel'skij dom GU-VSHEH, 2010. 184 c.
- Elbrecht C.* Published by Johanna Nordlander Verlag Rutte. Munchen: Novalis, 2006. 304 c.
- Schoeller G.* Heilung aus dem ursprung. Praxis der Initiatischen Therapie. Munchen: Novalis, 1983. 382 c.